

4.

Рецензии

Ирина Протопопова

Платон: писатель, который изобрел философию.
Рецензия на книгу: Люк Бриссон. *Платон*. Пер. с. фр. О. Алиевой
(Москва: Rosebud Publishing, 2019)

IRINA PROTOPOPOVA

PLATO: THE WRITER WHO INVENTED PHILOSOPHY. BOOK REVIEW:
Luc Brisson. *Plato*. Trans. into Russian by O. Alieva (Moscow: Rosebud Publishing, 2019)

ABSTRACT. The reviewer of Luc Brisson's recently translated work *Plato* describes, in detail, the structure of the book and the contents of its chapters: the biographical information about Plato; his relationship with Socrates; Plato's political utopia; ethics, epistemology, and cosmology; controversy concerning the so-called secret doctrine; recap of the Academic tradition by periods. Special attention is paid to Brisson's methodological presupposition having to do with his appreciation of Plato's literary craftsmanship exposed in the book's subtitle, *The Writer Who Invented Philosophy*. The reviewer also draws attention to the original concept of 'male' and 'female' educational models attributed to Plato by Brisson. Despite the fact that some aspects of his interpretation of Plato's works are not shared by the reviewer (in particular, his interpretation of Socratic dictum "virtue is knowledge"), Brisson's book provides a deeply grounded research and at the same time is oriented to nonspecialists, which makes it recommendable as an excellent propaedeutic reading for introduction into Platonic tradition.

KEYWORDS: Plato, Luc Brisson, ethics, politics, cosmology, intelligible Forms.

Подзаголовок этой книги — «писатель, который изобрел фи-

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный ун-т.
Платоновские исследования / Platonic Investigations 10.1 (2019) DOI: 10.25985/PI.10.1.12

лософию» — прекрасно отражает подход автора к Платону. Одна из главных предпосылок Люка Бриссона в том, что европейская «философия» рождается из человеческого опыта и писательского мастерства конкретного человека:

Наша задача заключалась в том, чтобы показать: то, что сегодня называется «философией», было изобретением одного писателя, Платона; оставаясь анонимным, он описал трагическую судьбу поразительного человека, Сократа, который жил в городе, потерпевшем поражение и раздираемом гражданской войной. Итак, философия рождается в шуме и ярости, и в литературном произведении, которое их описывает, напрасно было бы искать последовательной и строгой аргументации трактата. Вместе с тем все основополагающие вопросы, встающие перед человеком (вопросы о ценности жизни, возможностях политического действия и нашем месте во вселенной), здесь поставлены. Тем самым философия уходит корнями в конкретный опыт одного писателя, Платона, который первым в истории назвал себя философом (с. 10–11).

Подход Бриссона близок тому, что в современном платоноведении называется «драматическим подходом»: его представители рассматривают сочинения Платона не как «философские трактаты», к которым добавлены необязательные литературные украшения, а как произведения, в которых литературная форма является необходимой и важной частью философского содержания.

Бриссон подчеркивает, что его работа отличается от тех, где Платона рассматривают «через» Аристотеля:

результатом стал труд, отличающийся от других работ по Платону, которые прочитывают его диалоги сквозь призму философии Аристотеля. Но теоретические воззрения Аристотеля ближе скорее к современному философскому контексту, отмеченному сильным влиянием логического эмпиризма (берущего начало от позитивизма). Отказываясь от поиска причин того, что нас окружает, он довольствуется определением законов, способных описывать и предсказывать факты, в то время как понятия души и умопостигаемой формы (*forme intelligible*) рассматриваются

как чуждые для философии элементы, поскольку они отсылают к мифу, религии, поэзии. Не пытаясь никого обратить, я все же утверждаю, что, если рассматривать вещи с исторической точки зрения, то в случае с Платоном невозможно свести душу — к деятельности, а умопостигаемые формы — к концептам (с. 11–12).

Бриссон регулярно подчеркивает, что Платон превосходный писатель: «Поэт, творец мифов и оратор — все это можно сказать о Платоне. Одним словом, он был писателем» (с. 93); «автор диалогов, тонкий знаток риторических приемов и непревзойденный знаток мифов, многие из которых до сих пор находят у нас отклик, Платон мог бы считать себя писателем» (с. 101).

Но точно так же и то, что мы знаем о самом Платоне, является, по мнению Бриссона, заслугой различных литераторов, сочинявших такие факты биографии Платона, которые коррелировали бы с идеями из его произведений. В частности, это касается представлений о путешествиях Платона в южную Италию и на Сицилию, в Египет и Персию:

в этом случае факты подгоняются, чтобы *a posteriori* объяснить то или иное сочинение или ту или иную идею. <...> похоже, что намеки на такого рода путешествия у поздних «биографов» вдохновлялись прежде всего сравнением с опытом юношей из знатных римских семей периода Империи (с. 18–19).

Еще один показательный пример подобных измышлений — знаменитая история о продаже Платона в рабство, сюжет анекдота, популярного в античном романе:

Философ-раб упоминается у авторов периода Империи: Авла Геллия (II в. по Р.Х.), Лактанция (III в. по Р.Х.), Лукиана (II в. по Р.Х.) и Макробия (V в. по Р.Х.). Это говорит о недостоверности анекдота. Впрочем, некоторые настаивают на его подлинности, усматривая аллюзию на эти события у Аристотеля («Метафизика» Delta 30, 1025a25–27 и «Физика» II.8, 199b20–22). Однако даже античные комментаторы Аристотеля на этот счет молчат (с. 19).

Бриссон делает вывод:

Внимательное изучение свидетельств не оставляет сомнений, что этот эпизод из жизни Платона вымышлен. То же касается и обвинений в плагиате (с. 64).

Действительно, помимо «путешествий» Платона, как и его «рабства», не менее причудливая история возникла относительно «плагиата»: так, исходя из некоторых источников, Платон использовал тексты пифагорейцев (Диоген Лаэртский, Прокл); Демокрита (Аристоксен Тарентский); Протагора (Диоген Лаэртский, Порфирий); Гомера (Афиней); комедиографов Эпихарма и Софрона (Диоген Лаэртский). Бриссон считает, что

обвинения в плагиате не были незаинтересованными. Плагиат позволял связать одну философию с другой в два шага. Сначала обвинитель преувеличивает или принижает значение предполагаемого плагиатора, представляя его философию как воспроизведение чего-то иного. Вслед за этим «заимствованная» философия усваивается уже как точное воспроизведение первоисточника. Наиболее любопытный пример такого отношения — это попытка представить платонизм как своего рода эрзац-пифагорейство (с. 73–74).

Отвергая все перечисленные «факты» как измышления, Бриссон показывает, что действительно достоверных сведений о биографии Платона у нас ничтожно мало. Во-первых, нам неизвестно даже, является ли «Платон» его подлинным именем или прозвищем (Диоген Лаэртский говорит, что настоящее его имя Аристокл; D.L. 3.4). Во-вторых, мы знаем приблизительно годы его жизни (428–425 г. до Р.Х. – 348–345 г. до Р.Х.), однако и тут возможна «подтасовка»: указанный биографами возраст Платона на момент смерти — 81, а это квадрат 9, а число 9 само является квадратом совершенного числа 3. «Мы имеем дело с некими нумерологическими спекуляциями», — говорит Бриссон (с. 84). Точно так же не известно, от чего скончался Платон: «будучи заеденным вшами» (D.L. 3.40–41), «на свадебном пиру» (D.L. 3.2), или просто от старости (с. 85).

Кроме того, как показывает Бриссон в главе «Человек и гражданин: война и любовь Платона», «у нас нет ни одного бесспорного свидетельства ни о его воинской службе, ни о его любовной жизни» (с. 75), а в главе «Наследство: найдено ли завещание Платона?» он рассматривает проблемы, связанные с так называемым завещанием Платона, из которого, по мнению Бриссона, «можно извлечь нечто важное: прямых потомков у Платона не было» (с. 92).

Итак, если подводить итог рассмотрению источников биографии Платона, «в сухом остатке» остается немного:

Подводя итог, можно сказать, что немногие факты жизни Платона можно удостоверить, хотя многое выглядит правдоподобно. Наиболее экстравагантные сообщения объясняются тем фактом, что биографы эллинистической эпохи поясняли доктринальные положения, изобретая анекдоты, в которых проявлялись бы убеждения героев или же, напротив, которые обличали бы свойственные им противоречия (с. 19).

Таким образом, главы, посвященные «фактологическим» сведениям о Платоне, подчиняются мысли о том, что практически все источники тенденциозны и мы не можем с уверенностью опереться ни на один: «Как все было в действительности? Никто не знает» (с. 83).

Пожалуй, достовернее остальных источников можно признать архивные материалы о суде над Сократом. Именно отношениям Платона с Сократом посвящена большая глава книги; этой главой, как отмечает Бриссон, он во многом обязан Луи-Андре Дориону, исследователю Ксенофонта и сократических сюжетов, автору книги «Сократ»¹, перевода «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта и множеству статей на эти темы. Следуя Дориону, Бриссон задает вопрос, «почему Сократ находится у истоков столь различных, даже конфликтующих, течений мысли» (с. 37), однако для описания деятельности Сократа выбирает в качестве ключевых

¹ L.-A. Dorion. *Socrate*. Paris: PUF, 2004.

достаточно традиционные представления — в частности, что Сократ считает добродетель знанием, которое делает человека добродетельным (с. 28). Бриссон ссылается на «Горгия» и «Протагора», но следует заметить, что в этих диалогах, особенно во втором, мы не можем приписать Сократу точный и непреложный взгляд на добродетель: так, в «Протагоре», интерпретируя строчки Симонида, он показывает, что нельзя быть добродетельным всегда, можно только стремиться к этому и достигать блага лишь на какое-то время (*Prt.* 344–345); из диалога нельзя сделать однозначный вывод, что Сократ считает добродетель знанием, как это часто трактуют, но можно лишь отметить фиксацию важной апории, в которую попали собеседники, придя в итоге рассуждения к выводам, противоположным исходным.

При этом Бриссон утверждает, что моральное знание достижимо только в рамках образа жизни, предполагающего подлинное познание себя (с. 29). Однако, заметим, такое познание можно сравнить с познанием беспредпосылочного начала, которое бесконечно (*R.* 510); в «Пире» философом может быть только человек, который посередине между мудростью и невежеством (*Smr.* 204ab), а подлинную добродетель человек может родить только при достижении прекрасного самого по себе (212a). Это выглядит мистериальной вершиной философского эротического анабасиса, который оставляет далеко позади рациональное рассудочное познание, которое волей-неволей оказывается уделом Сократа, если приписывать ему идею «добродетель есть знание». Однако то, как Платон описывает Сократову майевтику, не позволяет остановиться на такой рассудочной формулировке.

Бриссон считает, что Сократ кардинально повлиял на Платона прежде всего своим подходом к «обучению»: он не вкладывает знание в слушателя, а как повивальная бабка пытается помочь собеседнику самостоятельно «родить» мысль. На нескольких страницах Бриссон описывает весьма любопытную концепцию противопоставления «мужской» и «женской» образовательных моделей: первая рассматривается как передача знания, а вторая как

майевтическая помощь душе собеседника в рождении выношенной им истины (с. 108). Мы полагаем, что сто́ит привести достаточно обширную цитату с описанием этой концепции.

Немного далее в «Пире» (208e–209e) Диотима рассматривает отношения между учеником и учителем. Описание этих отношений вновь построено на «женской модели» обучения как родов и родовспоможения, и уже тем самым оно противостоит «мужской модели» взаимодействия ученика и учителя в рамках института пайдерастии, защищаемого в речах Павсания и Агафона. Анализ речей Павсания и Агафона, с одной стороны, и Диотимы — с другой, позволяет выявить следующие три расхождения. (1) Представление об образовании как о трансляции знания (а также интеллектуальной, социальной и экономической власти) между мужчиной и юношей в рамках гомосексуальных отношений противопоставляется образованию, понимаемому как обнаружение знания, уже присущего душе. Этому знанию предстоит выйти на свет, словно при родах, в форме прекрасных речей и прекрасных поступков. (2) Концепция отношений между мужчиной и юношей, в которых мужчина играет ведущую роль, противопоставляется такому обучению, в котором именно учитель разрешается от бремени, беседуя с учеником. Его связь с учеником постоянна, ведь им предстоит вместе растить своих детей — прекрасные речи и поступки. Формулировки двусмысленны, но ничто не указывает на то, что учитель и ученик состоят в сексуальных отношениях. (3) Наконец, телесная красота, которая является объектом потребления, противопоставляется душевной красоте, без которой невозможно родоразрешение. На этих трех уровнях мы наблюдаем решительное перевертывание перспективы (что характерно для Платона и для платоновского Сократа) по отношению к греческим обыкновениям той поры (с. 109).

По Бриссону, Сократ настолько сильно повлиял на Платона, что казнь учителя стала поворотным пунктом его деятельности: «для Платона смерть Сократа означает рождение философии» (с. 38); «по сути, ему нужно было изобрести город, в котором Сократу не грозила бы смертная казнь» (с. 46). Этим городом становится, считает Бриссон, идеальный полис, описанный в «Государстве» и «Законах»:

здесь Платон формулирует свое этическое, эпистемологическое и космологическое учение, которое впоследствии получит название «философии» (с. 46).

Однако перед рассмотрением этики, эпистемологии и космологии Платона Бриссон помещает главу с примечательным названием «Показательный провал: может ли философ быть советником главы государства?» (с. 47). Здесь на материале прежде всего Седьмого письма обсуждаются парадоксы отношений Платона с сицилийскими тиранами и делается вывод:

Философ и глава государства не могут сотрудничать. Философ — человек необходимого, установленного наукой и предполагаемого моральными требованиями, в то время как глава государства — человек возможного, где властвуют сила и богатство. Первый находится на стороне разумного, в то время как второй вынужден играть с человеческими страстями, которые если не противятся разуму, то во всяком случае безразличны к нему (с. 55).

Мы совершенно согласны с этим выводом, который, на наш взгляд, полностью соответствует описанию тиранов и философов в «Государстве» — однако, думается, подобное соответствие могло бы поставить под вопрос до сих пор не доказанную подлинность Седьмого письма.

Бриссон обсуждает отношение Платона к поэзии, мифу и риторике и делает вывод, что несмотря на критику их Платоном в том или ином виде, сам он успешно и очень тонко пользуется богатым арсеналом многочисленных литературных приемов:

Результатом этих усилий стал корпус текстов, благодаря которому ко II в. н.э. Платон стал считаться одним из лучших писателей, как об этом свидетельствует знаменитый в то время учитель риторики Гермоген. Именно в этих литературных трудах, как я намерен показать, зародилось то, что, начиная с Платона, носит имя философии (с. 102).

После этого Бриссон в достаточно традиционной манере описывает методы платоновского Сократа (*эленхос*, с. 105–107; *припоминание*, с. 107–109; *диалог и диалектику*, с. 112–115), делая исключение для оригинального рассказа о *майевтике* (с. 109–112; см. выше). Показав, что Платон, критикуя софистов, вовсе не был их «могильщиком» и прекрасно осознавал их огромную роль в интеллектуальном перевороте в Афинах во второй половине V в. до Р.Х. (с. 125–131), Бриссон приступает к описанию основных философских идей Платона.

Софисты оказались той силой, благодаря которой релятивизировались традиционные моральные ценности. Платону нужно было найти новое основание ценностей, которое нельзя было бы так легко ниспровергнуть.

Платон не был «профессиональным» философом в поиске концептуальных инноваций, способных прославить его имя. Перед нами гражданин, который восстает против афинской демократии. Казнь Сократа стала для него основополагающей травмой. Социальные и политические осложнения в Афинах, бессвязность представлений о ценностях и недостойное поведение граждан заставляют Платона вообразить иной политический строй, основанный на неизменных и универсальных ценностях, — такой строй, при котором Сократ не был бы осужден (с. 134).

Платон показывает, что и традиционные, и демократические ценности «сводятся к мнению, истинному или ложному в зависимости от случая и способному со временем меняться» (с. 135). Поэтому перед ним стояла задача обнаружить некие абсолютные ценности, не изменяющиеся во времени.

Бриссон говорит, что эти ценности должны быть такими же непреложными, как факты:

философу необходимо отыскать абсолютные нормы, которые были бы одновременно универсальными, применимыми везде и для всех, и неизменными, а это требует отказаться от всеми принятого различия между ценностью и фактом. Ценность ни в коей

мере не является правилом, изменяющимся во времени и пространстве вместе со мнением. Это реальность, признаваемая всеми и всегда, подобно факту. Именно такого рода подлинные сущие Платон называет Формами, по-гречески — εἶδη, они же «умопостигаемые формы», подобием которых являются чувственные вещи (с. 136).

Для постижения абсолютных форм необходимо предположить, что у души, помимо способности порождать мнение, есть ум (l'intellect, νοῦς).

Ставя вопрос о постижении Форм, говорит Бриссон,

мы ступаем в область мифа, то есть такого повествования, которое описывает странствия души, действующей независимо от тела. Вдобавок знание Форм достижимо путем созерцания: непосредственного, когда душа отделена от тела, или опосредованного, когда душа на земле вспоминает о виденном ранее (с. 141).

На наш взгляд, такая постановка вопроса недооценивает роль ноэтической рефлексии, то есть осознания умом оснований собственной деятельности, как это описано в «Софисте» и «Пармениде», но при этом Бриссон делает из нее логичный вывод:

В сущности, две фундаментальные посылки мысли Платона, душа и умопостигаемые формы, восходят к мифу, то есть к традиции (с. 124).

Чтобы показать целостность замысла Платона, для которого человек, полис и космос неразрывно связаны, а чувственное проникнуто умопостигаемым, Бриссон достаточно подробно разбирает «Тимей». Он полагает, что

с одной стороны, замысел Платона описать происхождение космоса, человека и общества встраивается в развитую древнегреческую традицию — традицию, которая через предшественников Платона восходит к поэтам. С другой стороны, это замысел невероятно новаторский (с. 181).

По мнению Бриссона,

подобно поэту, философ произносит речь, которую нельзя считать ни правдивой, ни ложной, поскольку она касается предметов, ускользающих от автора: он, разумеется, не мог присутствовать ни при появлении человека, ни тем более при появлении космоса. Такого рода речь называется мифом (с. 181).

С другой стороны, и с точки зрения задач, и с точки зрения «литературного жанра», говорит Бриссон, «Тимей» представляет собой новаторство:

Впервые в истории Платон ставит проблему научного познания: научное объяснение должно иметь необходимый и отвлеченный характер, оно не может сводиться к непосредственным данным, поставляемым чувственным восприятием; ⟨...⟩ впервые в истории науки Платон превращает математику в инструмент, позволяющий выводить следствия из заданных аксиом (с. 181–182).

Однако предложенная в «Тимее» модель не имела практического продолжения из-за примитивного характера задействованной математики и отказа от экспериментальной проверки, считает Бриссон. Впрочем, последнее вряд ли в принципе могло заинтересовать Платона, поскольку он подходил к проблеме космологии не как «натуралист», а как философ:

Его описание мира создано не затем, чтобы вмешиваться [в устройство космоса], но чтобы найти решение проблемы причастности чувственных вещей к умопостигаемому (с. 194).

На материале «Тимея» Бриссон описывает и представления Платона о душе, кратко показав перед этим греческую архаическую традицию, восходящую к Гомеру. Радикальный поворот, совершенный Платоном в воззрениях о душе, заключается, по мнению Бриссона, в двух моментах: 1) подлинной реальностью обладает только умопостигаемый мир, поскольку Формы сами в себе имеют начало существования; 2) подлинная идентичность человека не сводима к телу, но совпадает с душой (с. 199–200).

Рассказав о платоновских взглядах на умопостигаемые Формы, космос и душу, Бриссон в отдельной главе достаточно подробно рассматривает вопрос отношения Платона к традиционной религии (с. 215–234). Он полагает, что Платон в этом вопросе является настоящим революционером, решительно осуждающим мифы и ритуалы традиционной религии. Платон жестко критикует традиционные представления о богах и вводит новое божество, демиурга, творящего космос, других богов и людей. Платон использует мифы, с одной стороны критикуя их, с другой — придумывая свои собственные, и при этом производит переворот во взглядах на религию:

Он порицает мифы и переосмысляет значение культа, накладывая запрет как на кровавые жертвы, так и на мольбы, обращенные к богам. И тем не менее, его никогда не судили за это, как Сократа, что, похоже, подтверждает гипотезу о том, что осуждение Сократа было вызвано политическими причинами (с. 234).

Не меньшим революционером, по мысли Бриссона, был Платон в области, которую можно назвать политической теорией. Одна из глав книги, названная «Политика: Платон — основоположник тоталитаризма?» посвящена обсуждению политической утопии, предложенной Платоном в «Государстве» и «Законах». Бриссон сравнивает взгляды различных исследователей на политические взгляды Платона (Поппер, Бадью, Штраус, Берлин, Фёгелин) и в заключение говорит, что в полисной жизни, описанной Платоном, неприемлемо следующее: рабство, войны, избавление от физически нездоровых детей, запрет на культурное производство («изгнание поэтов»). При этом две важнейшие новации, которые невозможно не оценить, заключаются, по Бриссону, в том, что Платон приводит к власти знание в лице философов и предоставляет женщинам равные права с мужчинами (с. 175–178). Подчеркнем, что, на наш взгляд, множество вопиющих противоречий «Государства» можно объяснить, если трактовать текст не буквально и «натуралистически», а видя в нем разноуровневую

смысловую подоплеку, связанную с представлениями Платона о разных уровнях сущего (R. 510–511).

Две завершающие главы книги посвящены отдельным темам: вопросу о существовании так называемого тайного учения Платона, — Бриссон в полемике с представителями тюбингенской школы, обсуждая различные источники по теме, отвечает на этот вопрос отрицательно²; и обзору академической традиции в разные периоды, а также сохранности платоновского корпуса.

В книге есть несколько приложений: схемы, иллюстрирующие описания космоса в «Тимее», а также географические карты, генеалогические и хронологические таблицы.

В целом книга Бриссона адресована не столько специалисту-платоноведу, сколько «обычному» читателю, интересующемуся Платоном и платонизмом. Однако, несмотря на достаточно популярное изложение, Люк Бриссон опирается на свои многочисленные исследования, так что текст глубоко научно фундирован; кроме того, вполне четко изложены основные методологические предпосылки изучения автором Платона. С некоторыми из них можно не соглашаться, но невозможно не признать фундаментальную ученость автора и его трепетное, порой личностное, отношение к материалу. Стоит отменить внятный и ясный перевод Ольги Алиевой, и в целом смело можно рекомендовать книгу Бриссона «Платон» как замечательное пропедевтическое чтение для вхождения в сложный и многогранный мир платонической традиции.

² Подробнее см. статью Люка Бриссона «О благе Платона: метаморфоза одного анекдота», русский перевод которой (также в исполнении О. Алиевой) вышел в журнале *Платоновские исследования* 6.1 (2017): 64–81.